Текст · 2 марта 2022, 17:39
Тимофей Пнин,

«На улицах трупы не первый день лежат». Как выживают в Гостомеле, где бои идут уже неделю

«Буду вести ребенка через вот эти точки обстрела»

Первая часть разговора записана днем 28 февраля.

Я живу одна с ребенком, моя мама из Донецка. Я родом со Львова, но долгую часть жизни провела в Донецке. Мы переселенцы, в 2014-м году выехали и переехали жить в Украину. Мой ребенок родился в Киеве, у него серьезное заболевание и ряд сопутствующих заболеваний. У него редкое заболевание[1] — Синдром Ротмунда-Томсона. Он единственный такой в Украине, и по всему СНГ нет такого диагноза. Сейчас у него онкология, у него рак кожи и рак языка.

У нас операция назначена на следующий четверг в Киеве. Как выехать на операцию, сдать анализы предоперационные, я не знаю. Мы будем идти просто пешком, на свой страх и риск буду вести своего ребенка через вот эти точки обстрела, потому что нам нельзя тянуть, чтобы мой ребенок умер дома.

У меня нет возможности [покинуть Гостомель], у меня приют для животных, больше двадцати животных, у меня маленький больной ребенок и у меня мама сердечник. И у меня нет автомобиля. Животных я не брошу.

Свой приют я вывозила из Донецка. Естественно, насобиралось много других местных животных здесь в Украине. У нас сейчас 21 животное — это собаки, коты, ежики и домашняя утка, домашняя несъедобная утка.

«Шили людей обычными швейными нитками»

Вечером была зачистка. Рядом с нашим домом, буквально в трех домах от нашего дома, была перестрелка, несколько артиллерийских снарядов попали прямо в дома. Количество погибших и раненых среди мирных жителей я не могу уточнить, потому что у нас ничего не работает.

У нас медиков обстреливают регулярно, у нас медики не могут выезжать, чтобы собирать раненых, чтобы собирать трупы и увозить в морг. Русских солдат на окраинах много, но здесь не только русские солдаты, есть кадыровцы. Моя мама лично общалась с русскими солдатами, они из Кемерово. Они пытались установить блокпосты, но потом украинская армия проводила зачистку и отодвинула их дальше, ближе к аэропорту [«Антонов»].

Повреждения аэропорта Антонов в Гостомеле. Спутниковый снимок: Planet Labs PBC / AFP

Ближе к аэропорту видели кадыровцев, они заходили к мирным жителям, они отбирают у них телефоны, они отбирают у них еду. Они заходят к старикам, к пожилым людям, где нет мужчин, где нет оружия.

Только что была в амбулатории, мы открыли маленький госпиталь, чтобы собирать лекарства — у кого какие есть — и разносить их людям. У людей нет лекарств, у людей нет продуктов, у нас нет воды. Здесь в основном частный сектор и, соответственно, все работает на свете, света нет. Поэтому насосы не качают воду, поэтому люди без воды, дети без еды.

Здесь настолько все тяжело. Здесь медики или люди с каким-то познаниями в медицине, они шили людей обычными швейными нитками и обычными иглами. Потому что здесь не хватает медицинских вещей для людей, чтобы помочь. Единственная больница не работает.

«Регулярно ведутся обстрелы — и мирных жителей, и машин с детьми»

Местные власти координируют людей, насколько это возможно — потому что люди в панике. Со стороны выезда на Киев вроде бы взорвали мост, я не могу туда попасть, потому что там регулярно ведутся обстрелы — и мирных жителей и обычных машин с детьми. Там очень много трупов военных, солдат. Это русские солдаты, я видела. И дальше я боюсь идти, потому что территория просматривается [российскими военными] и сразу ведутся обстрелы.

В районе аэропорта идут взрывы, но, по крайней мере, сейчас нет минометных очередей, нету автоматных очередей.

Все сидят в бомбоубежищах, сидят в подвалах. Люди выходят на свой страх и риск, чтобы поменяться едой, чтобы поделиться лекарствами. У нас по центральной улице ездили танки, ездили БТРы. У нас центральную улицу обстреляли. Памятник чернобыльцам весь обстреляли. Жилые дома просто обстреляны — здесь даже близко нет воинской части. Она в нескольких километрах отсюда, аэропорт в нескольких километрах отсюда.

Еда заканчивается, благо у нас здесь есть внизу магазин, продавец которого периодически открывает его. Один раз она приходила, и нам удалось пополнить запасы.

От Киева никто не едет, чтобы элементарно привезти воду или же продукты питания. Есть какая-то колонка, но она ближе к обстрелам, люди на свой страх и риск ходят туда и набирают воду. Она не

чистая, естественно, но хоть какая-то вода. Первые полтора суток [после начала боев в Гостомеле] был свет и люди успели сделать запасы, сейчас экономят.

Учитывая, что у моего ребенка проблемы с кожей, у нас просто катастрофа в отношении того, что нет воды. Мы просим, чтобы дали доступ хоть каким-то электрикам, чтобы пустили к нам починить свет. Мы переписываемся — у кого есть личные номера друг друга — и спрашиваем, кому чем помочь, чего не хватает, чтобы хоть как-то все продержались. Маленькие дети есть, у кого-то больше памперсов — делятся памперсами. У меня есть пеленки для животных, я делюсь пеленками.

Зарядить в таких условиях телефон сложно. Я захожу один раз в день в интернет, чтобы написать, что мы живы. Надо искать генератор.

Просто передайте своим ребятам, что они точно также тут гибнут. Они [нам] говорили, что поехали на учения в Белоруссию. Их начали собирать и говорить, что будет передислокация, и их сразу же привезли в Украину. То есть они сами не знали, куда едут. Скажите их матерям, что они тут гибнут, как и наши мирные жители, как и наши военные.

На дороге в городе Буча недалеко от Киева. Фото: Serhii Nuzhnenko / AP

Вокруг трупов много, неразорвавшихся боеприпасов. Медиков обстреливают, медики не могут ехать в те места, где обстреливают, где есть раненые мирные жители или военные. Русские солдаты обстреляли машину скорой помощи, поэтому она до военного городка не доехала.

Говорят, что здесь ущемляют русскоговорящих, и о том, что здесь националисты, бандеровцы — ничего подобного здесь нет. Я здесь говорю на русском, хотя знаю украинский. Ни от кого нас не надо спасать, кроме того как от вас. Остановитесь!

«Сегодня был авиаудар, разнесли многоэтажку»

Короткий разговор записан через несколько дней, утром 2 марта. Во время всего разговора Вероника Мелихова плачет.

У нас происходят регулярные бомбежки. К раненым и погибшим нас не пускают, ни русская армия, ни кадыровцы, которые стоят и держат блокпосты возле военного городка. Они не выпускают людей оттуда и

не пускают людей туда. Точно так же обстреливают скорые, нам не дают делать зеленый коридор.

У нас здесь мирные жители, не осталось никаких военных. И не было военных, потому что в центре города только мирные жители. Сегодня был авиаудар, разнесли многоэтажку в Ирпене, это выезд из Гостомеля.

Там нет никаких военных объектов, здесь уже нет аэропорта. Уже нечего здесь делать, нечего бомбить. Почему бомбят мирных жителей? У нас нет возможности получить гуманитарную помощь... у нас больные дети, у меня больной ребенок. Невозможно получить еду и воду.

Люди прячутся по подвалам и по домам. На улицах трупы, которые не первый день лежат. Нет возможности даже их вывезти. Обстреливают машины, на которых написано «дети». Нас со всего мира спрашивают, какая помощь нам нужна, но ее невозможно доставить. Они не дают это сделать. Почему бомбят мирное население?

Сына я по-прежнему не могу доставить в больницу на операцию, потому что у нас ведутся обстрелы регулярные из автоматных очередей и авиаудары. Я не могу элементарно добраться до Киева и вернуться обратно.

Я не брошу своих животных, я не брошу людей. У нас нет воды, у моего ребенка ужасная ситуация с кожей, я не могу его помыть. Это катастрофа, просто гуманитарная катастрофа. Мы потеряли счет дней и ночей, мы спим мало.

Ну поговорите же со своими какими-то властями! У вас же есть друзья, родственники, которые находятся здесь, в Украине. Пусть они выпустят людей из военного городка[2]. Если они нас не пускают, то

пусть хотя бы впустят людей к нам сюда. Я с вами разговариваю по-русски. Но боже мой, нас не надо спасать!

Плачет, все время плачет. Звонок прерывается.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Синдром Ротмунда-Томсона — редкий наследственный симптомокомплекс, характеризующийся специфическим поражением кожи.

2. Он расположен на окраине Гостомеля.